

ИЗ ИСТОРИИ ВАРШАВСКИХ АРМЯН

Профессор ЭДВАРД ТРЫЯРСКИ (Варшава)

В настоящей статье собраны сведения различного характера, отражающие связи армян с поляками армянского происхождения со столицей Польши. Работа возникла из желания помочь будущим историкам, которые попытаются создать целостную историю варшавских армян. Полагаю, что наступило время для сбора разнохарактерных материалов, связанных с этой проблемой: на наших глазах уже погибли и постепенно гибнут следы материальной культуры варшавских армян, одновременно уходит последнее поколение их, сознающее свою прежнюю этническую принадлежность.

Осознавая недостатки своей работы, являющейся частично результатом любительского интереса к истории Варшавы, отмечу, что в основу ее положен текст доклада с характерной для него фрагментарностью, возникшей в результате использования лишь ряда опубликованных источников и отсутствия данных из архивных документов. Не использованы такие фундаментальные источники как Коронная метрика, Посольские книги, счета королевского двора, Акты магистрата г. Варшавы и другое. В работе нет притязаний на исчерпывающее использование богатой биографической литературы, относящейся к упоминаемым ниже личностям, даже в пределах такого издания как *Polski Słownik Biograficzny*. Не делается также попыток решать вопросы, существующие на протяжении жизни ряда поколений: поручал ли вообще польский король и какую именно секретную миссию Сеферу Муратовичу; в какой мере представляли для армян угрозу еврейские, греческие, турецкие или персидские купцы; участвовали ли охотно польские армяне в войнах и т. п.

Из опубликованной в последнее время литературы, посвященной польским армянам, почти ничего нельзя узнать о варшавских армянах. Пусть напоминание о древних мотивах и создание новых оживит дискуссию о том вкладе, который внесли армяне в историю столицы Польши.

Необходимость создания хотя бы поверхностного очерка истории варшавских армян столь очевидна, что даже трудно понять, почему подобный очерк до сих пор не был создан. Главная причина, в связи с которой никто из историков армян Польши или же историков Варшавы не занялся этой темой, лежит, по-видимому, в сложности поисков и использования разнообразных и разпыленных источников, охватывающих ряд столетий¹. Определенную роль сыграло также то обстоятельство, что, в отличие от армян, проживавших на юго-восточных территориях древней Польши, в первую очередь во Львове, Каменце и Замостье, армяне в Варшаве никогда не являлись компактной или многочисленной группой. Однако ни малочисленность, ни разнообразие

¹ Сведения об этом действительно очень разпылены. Ряд биографий варшавских армян имеется в издании *Polski Słownik Biograficzny* (до сих пор не законченном). Много коротких, однако очень ценных упоминаний о варшавских горожанах армянского происхождения сообщил В. Смоленский в книге *Miejszczasństwo warszawskie w końcu wieku XVIII*. 1-e wyd., Warszawa, 1971; 2-e wyd., Warszawa, 1976. Жизнеописание некоторых армян, связанных с Варшавой, дает С. Бароцц в известной своей книге *Zywoty sławnych Ormian w Polsce*, Lwów, 1856. Сравнительно небольшую информацию на эту тему дает книга: Т. Гомплицки, *Ormianie w Polsce, ich historia, prawa i przywileje*, Warszawa, 1859. Некоторые, по существу далекие, аналогии с жизнью варшавских армян можно почерпнуть из известной работы W. Łożiński, *Patrycjat i mieszczaństwo łwowskie w XVI i XVII wieku*, Lwów, 1892.

профессий не мешали им играть в жизни города роль активного и влиятельного элемента, заслуживающего внимания со стороны историков столицы. Только свод многочисленных фамилий варшавских армян, их связей и профессий, а также принадлежащего им имущества поможет оценить роль этих важных представителей польского Востока.

Сложности, возникающие перед исследователем истории варшавских армян, носят различный характер. Первая из них—тот продолжительный период, во время которого в разнообразных аспектах проявлялась армянская проблема. Вполне возможно, что уже в наиболее ранний период истории Варшавы в ней бывали всегда предпринимчивые и смелые армянские купцы, однако об этом нет более подробных сведений. В связи с этим даже принципиальные вопросы о дорогах, путешествиях, а также о характере торговли часто оставались без ответа. Необходимо отметить, что города, в том числе и Варшава, по-разному (между прочим, правом депозитария) защищали себя от чересчур интенсивного проникновения чужеземных купцов. При этом «чужими» (в источниках *hospes*) на практике считали каждого, не обладающего городским правом данного города². Вторая сложность—это трудности, связанные с поисками хотя бы временных критериев периодизации истории этой этнической группы. В отношении XV—XVII вв. выделить определенные периоды особенно сложно, а может быть, и вовсе невозможно. Больше фактографического материала появляется только в XVIII—XIX вв.

В основу данного исследования легли почти исключительно письменные тексты, впрочем, очень разнообразного характера. С одной стороны, это преимущественно исторические источники—акты магистрата, описи налогов, королевские грамоты, переписка и т. д., с другой—различного рода научные исследования, из которых стоит упомянуть работы, посвященные истории польских армян, особенно С. Баронча, Т. Громницкого, Ф. Захариясевича и других, а также гербовники, к примеру, Л. Теодоровича и Л. Корвина. Отдельную группу составляет богатая историческая литература, посвященная Варшаве: монографии, очерки истории города в различные периоды, мемуары, труды об архитектуре Варшавы, архивные материалы о варшавском духовенстве и другие. Много материала дают надгробные надписи с варшавских кладбищ. Особое значение приобретают собранные нами данные о могилах армян, а также собранные некрологов. О варшавских армянах периода Второй республики и современности значительный материал содержится в периодической печати.

* * *

В XV—XVII вв. постоянно проживавшее в Варшаве армянское население было малочисленным. Значительный приток армянских жителей в польскую столицу произошел в период опустошительных турецко-польских войн 70—80-х гг. XVII века, вызвавших миграцию армян из захваченных турками и разоренных областей и городов Подолья и Западной Украины. Об этом свидетельствует памятная запись Григора-ювелира—достоверный источник той эпохи, являющийся единственным армянским письменным памятником, сохранившим сведения о ранних армянских поселенцах Варшавы. Текст ее гласит: «Переписана и закончена книга божественных песнопений пророка Давида в городе Варшаве рукою недостойного и многогрешного Григора-ювелира, ибо в это время мы были беглецами [спасающимися] от рук врагов святого Креста.

Это произошло в 1672 году [со дня] пришествия спасителя нашего Христа, 16 августа. Нагрянули турки и завладели Каменцем. Спустя пять дней злодеи достигли города Львова. [Начиная] с этого дня на протяжении восьми дней и восьми ночей сражались друг с другом турецкие [войска] и [львовские] горожане, за сутки пятьсот-шестьсот пушечных [выстрелов] обрушивали друг на друга, не считая еще и винтовочных выстрелов.

² J. Ptasnik. *Miasta i mieszczaństwo w dawnej Polsce*. Kraków, 1931.

Воздаю хвалу щедрому милосердию господу бога, который не отдал в руки неверных город и горожан и по милости которого были спасены святые церкви.

После этого горожане отчеканили 80 000 курушей и отдали их туркам, чтоб они ушли. И был с ними один злой турецкий паша, по имени Каплан-паша, он согласился на 80 000 курушей. И [горожане] дали [сму] восемь человек заложников. Взяв их, он удалился, [с условием] вернуть этих восьмерых, когда получит 80 000 курушей. Эти восемь человек были: двое поляков, двое армян, двое руссов и двое евреев.

После этого столько ужасов, страха и голода претерпели львовские горожане, что близки были к гибели, и тогда решили они бежать из города Львова. Ввиду боязни, что турки могут [вновь] возвратиться и осадить город, половина горожан или более [того] стали беженцами, из которых одни отправились в Краков, другие—в Гданьск. А другая часть [их] прибыла с нами в Варшаву. И приехав в город Варшаву, увидели мы, что народ наш армянский не имеет здесь отдельной церкви и даже маленькой молельни, а также не имеет священника, говорящего на армянском языке. И не имели [они] наставника, дабы быть им утешены.

Закончена книга песнопений в 1122 году армянского летосчисления [1673 год], в декабре месяце, 15 дня»³.

Переселения конца XVII в. привели к тому, что в XVIII в. число армян, проживавших в Варшаве, стало значительным. Францишек-Салезы Езерский, известный деятель времен четырехлетнего сейма и писатель, в своей брошюре отметил следующее: «В Варшаве ведь, якобы, нет и четвертой части [жителей] настоящих поляков, все с деда-прадеда или старше—это немцы, чехи, русины, итальянцы, армяне, вармийцы⁴ и т. п.»⁵ Армяне входили как в среду городской аристократии, так и в среднюю прослойку. Среди аристократов А. Бардецкий упоминает семью Енджеевичей, Лышкевичей и Якубовичей. среднезажиточным считает Лазаревичей и Минасовичей. Не менее заметными были в Варшаве роды Андрыхевичей, Енджеевичей, Рафаловичей и Макаровичей⁶. Понятно, что более детальное деление очень сложно из-за изменений в финансовом и престижном статусе отдельных родов.

Купцы. Армянские купцы в своих торговых путешествиях на север и запад—в Торунь, Познань, Гданьск⁷ не обходили стороной город над Вислой, придавая ему восточный колорит. Документальных свидетельств об этих посещениях не столь уж много, но об одном из них стоит упомянуть. Это две эпитафии, увековечившие память об умершей в Варшаве в XVII в. армянской супружеской чете. На значение

³ Опубликовано в книге: *Л. Циркуль. Чужбина. Чужбина, 1896, т. 2, 194*. На этот источник наше внимание обратила Г. П. Пингирян, которая и осуществила перевод с древнеармянского, за что автор выражает благодарность.

⁴ Вармийцы—жители Вармии, территории у залива Вислы, на границе с Пруссией, с 1466 г. присоединена к Польше.

⁵ *Listu do przyjaciela w okolicznosciach miast tyżących się z Warszawy pisanego, z dodatkami druga edycja. W Drukarni wolney, 1790, s. 6—7*. На эту брошюру любезно обратил мое внимание Я. Р. Дашкевич.

⁶ *A. Bardecka, I. Turban. Życie codzienne w Warszawie okresu Oświecenia. Warszawa, 1969, s. 56, 59*. Текст А. Бардецкий.

⁷ Ср.: *A. Mańkowski. Kupcy ormiańscy w Gdansk. —Zapiski Towarzystwa Naukowego w Toruniu, 1918, t. 4, N 8, s. 181—185; L. Hejnowicz. Z dziejów Ormiań poznanskich.—Posłaniec św. Grzegorza, 1933, t. 6, N 1—2, s. 10—14*. М. Закажевска-Дубасова в книге *Ormianie zamojscy i ich rola w wymianie handlowej i kulturalnej między Polską a Wschodem. Rozprawa habilitacyjna. Lublin, 1965, s. 74*, пишет: «Дороги для волов это, в первую очередь, дороги сухопутные. Наиболее важной была дорога, которая вела из Молдавии через Снятин, Коломыю, Галич, Рогатин, Львов. Из Львова одна дорога через Жовкуву, Томашув, Замостье, Люблин через Варшаву в Гданьск».

этого памятника обратил внимание еще во второй половине XIX в. ряд авторов⁹. В 1934 г. Станислав Донгевич, многолетний секретарь Объединения армян в Польше, напечатал на эту тему статью в журнале «Rocznik sw. Grzegorza»⁹. В ней говорится о двух табличках из латуни с армянскими надписями, вмурованными в пол костела доминиканцев св. Янка. Таблички находились ниже надгробных плит, с левой стороны среднего нефа, напротив алтаря Распятого Христа. Каждая из табличек имела размеры 70×30 см. На одной из них надпись следующего содержания:

ԱՍ Է ՏԱՊԱՆ ՈՂՈՐԱՍԻ ԶՈՐԻ ՄԵՍ ԿԱՔՈՐԻՆ ԶՈՂՄԵ ԵՐԵՄԻԱՆԻ,
ՄԱՅՏԵՍԻ ՄԻՆԱՍԻ ՈՐԴՈՐԻ / ԵԱՍԼՈՎՅԱՆ ՔԱՂԱՔԻՆ ԵՐԵՄԻԱՆԻ, ՅԱՆԳԵԱՆԻ
ՔՂԻՍՏՈՅ ՔՎԻՆ / ՈՃԻԶ—ԻՆ, ԱՍՍԵԱՆԻ ԱՊՐԻԼ 6, ՕՐԵ ՈՒՐՐԱՄ.

«Это могила милосердной души великой дамы, жены пана Акопа-мегдеси, сына Минаса, ерецохана¹⁰ города Язловца. Умерла во Христе в 1126 [=1677] году, месяца апреля, 26. в пятницу». На второй табличке была надпись:

ԱՍ Է ՏԱՊԱՆ ՊԱՐՈՆ ԶԱՆՈՐԻՆ ՄԱՅՏԵ ԵՐ ՄԻՆԱՍԻ ՈՐԴՈՐԻ ԵԱՍԼՈՎՅԱՆ—ԵՐԵՄԻԱՆԻ,
ՅԱՆԵԱՆԻ—Ի ՔՂԻՍՏՈՅ ՔՎԻՆ / ՈՃԻՐ, ՈՒՆԻՍԻ ԻՅ

«Это могила пана Акопа-мегдеси, сына Минаса, ерецохана Язловца. Почил во Христе в 1132 [=1683] году, дня 20 июня». Эта табличка погибла вместе с той частью костела, которая была разрушена во время Варшавского восстания 1944 г. Однако другая табличка, упоминающая «великую даму [хатун]» из Язловца, счастливо сохранилась и сегодня ее можно увидеть из левой стене пресвитерия этого же костела. Предположение, что этим «ерецоханом» Язловца был прибывший в Варшаву армянский купец, кажется вполне обоснованным. Он, по-видимому, был сыном проживавшего также в Язловце Минаса Сириновича. Вполне возможно, что Акоп, сын Минаса, и его жена оказались в Варшаве, спасаясь бегством перед очередным наступлением турок, овладевших в 1672 г. под руководством Хусейн-пашы Язловцем¹¹.

Во всяком случае, это не самый ранний, подтвержденный источниками след пребывания армян в Варшаве. Благодаря исследованиям Я. Р. Дашкевича известно, что с Варшавой был связан еще ранее другой армянин, Г. Пиотрович. Он специализировался на торговле янтарем и совершал продолжительные торговые поездки по дороге Гданьск—Львов—Турция. В Варшаве он владел небольшой усадьбой, в которой умер в 1638 г.¹²

⁹ Об этом памятнике писали: A. Głębocki. Płyty grobowe w kościele sw. Jacka w Warszawie.—Kłosy, t. 29, 1879, N 737, s. 101—102; A. Piug. Jeszcze o płytach grobowych w kościele sw. Jacka w Warszawie.—ibid., N 739, s. 134, 138; K. Kraszewski. O nagrobkach w kościele św. Jacka w Warszawie.—ibid., N 740, s. 150; O. Jelencki. Jeszcze o napisach ormiańskich w kościele sw. Jacka w Warszawie.—ibid., N 746, s. 251; (Մեղիւնք Զ.) Հայերէն տապանագիրք յԷկեղեցիոյ Ս. Եղիւնքի.—«Փարոս Հայաստանի». Մոսկուա, 1881, № 1, էջ 24—25.

¹⁰ S. Donigiewicz. Nieznane nagrobki ormiańskie w Warszawie.—Posiunciec św. Grzegorza, t. 8, 1934, N 9—10, 73—79. Дополнением к библиографии надписей мы обязаны любезности Я. Р. Дашкевича.

¹¹ Ерецохан—один из двух главных старейшин армянской общины, ведавший делами церкви.

¹² S. Donigiewicz. Nieznane nagrobki. О волне беженцев, которым посчастливилось убежать из Язловца, из них некоторые поселились даже в Варшаве, см.: В. Р. Григорян. История армянских колоний Украины и Польши (Армяне в Подолии). Ереван, 1980, с. 114.

¹³ J. R. Daszkiewicz. Z historii południowo-wschodniego szlaku bursztynowego (XIV—XVII w.).—Slavia antiqua, t. 27, 1980, s. 64. Детальный перечень това-

Как отмечает историк Я. Птаśник, Варшава в конце XVI в. была «маленьким городом, по сравнению с Краковом и Львовом XIV—XVI вв.»¹³ Волна чужестранцев нахлынула сюда только тогда, когда Варшава стала столицей, в которую стекаются «иностранцы, как немцы, так и итальянцы, шотландцы, а позже также французы и греки. Из 56 купцов, которых в 1659 г. перечисляет каталог купеческого цеха, больше половины носят иностранные фамилии—итальянские, французские и немецкие»¹⁴. Известно, что армянское население Варшавы до того, как она стала столицей, было многочисленным и в отличие от городов южной Польши (Львова, Каменца-Подольского и Замостья) никогда не имело своей организованной общины с собственным самоуправлением, судом и т. п. Однако несмотря на малочисленность армян, уже в 30-х годах XVII в. армянские купцы пользовались большим авторитетом и играли весьма важную роль в экономической жизни Варшавы. Так, документы свидетельствуют о том, что при происходившем в Варшаве ежегодно (в частности, в 1633 г.) определении цен на товары приглашались как лучшие знатоки-оценщики армянские купцы из Варшавы (для установления цен на западноевропейские товары) и из Львова (для установления цен на восточные товары)¹⁵.

Переходя к лучше документированному XVIII веку, упомянем, что в Варшаве торговлей занимался Гжегож Абрамович, наживший значительное состояние. Он являлся владельцем каменного дома в центре города. Этот армянин прибыл из Львова и торговал вином. На прибыль, полученную от этой торговли, он построил в 1780 г. большой двухэтажный дом на Новом Свете под номером 59. Вот что пишет прекрасный знаток варшавской архитектуры Марек Квятковский: «Кто [его] проектировал—до сих пор не известно. Это двухэтажное здание, семисеовое, с трехосным ризалитом, завершенным трехугольным щипцом. Данный тип фасада был столь популярен в Варшаве XVIII века, что смело можем называть его варшавским. Когда Абрамович строил свой дом, каменные дома в два этажа были редкостью на Новом Свете. Здесь преобладали одноэтажные здания или партерные маленькие усадьбы, среди них много деревянных. Абрамович, желая подчеркнуть великолепие своей резиденции, приказал украсить фронтон каменной вазой, а стены—декорацией, состоящей из мотивов кокард и растительных ветвей, характерных для классицизма конца XVIII в.»¹⁶ Дом Гжегожа Абрамовича был разрушен во время последней войны, но после ее окончания был отстроен, однако весьма неудачно. М. Квятковский пишет: «Отстроили его, к сожалению, достаточно неряшливо. Хотя сохранили общий вид фасада, однако не смоделировали ризалит, а декорацию просто придумали. Не проявили заботы о достоверности деталей, несмотря на существование точных источников в виде фотографических снимков»¹⁷.

ров (например, «12 белых луков», «29 локтей табина (вид шелковой ткани) кирпичного цвета с золотом», «шелковые петлицы, пестрые как попугай, для кунтуша» (старинный польский кафтан), которые в 1652 г. армянский купец Вартерис Киркорович получил «из Варшавы от славного пана Томаша Абрамовича, пана Миколая Хадзеевича», опубликован в книге М. Закжевской-Дубасовой: *Ogólnie zamojscy*, 285—288. Такие же и подобные товары отправлялись, конечно, и в обратном направлении. К 1764 г. относится список товаров (седла, патронные сумки, ленты, рукоятки и т. д.), составленный Шпмоном Никоровичем, «отправляемых во имя Божье с паном Кжиштофом в Варшаву», см.: М. Zakrzewska-Dubasowa. *Ogólnie w dawnej Polsce*. Lublin, 1982, s. 149.

¹³ J. Ptaśnik. *Miasta i mieszczaństwo w dawnej Polsce*. Krakow, 1934.

¹⁴ J. Ptaśnik. *Op. cit.*, s. 344—345.

¹⁵ См.: W. Rojny. *Dwie taksy towarów cudzoziemskich z roku 1633*. Kraków 1897. На этот источник наше внимание обратила Г. Пингирян, за что выражаем ей благодарность.

¹⁶ M. Kwiatkowski. *O kamienicy Abramowicza*.—*Stolica*, t. 37, 1970, N 17, s. 4

¹⁷ Там же.

Если говорить о сохранившихся до сих пор следах усадеб варшавских армян, стоит упомянуть известный особняк Симона Симоновича по ул. Сolec, о котором М. Квятковский между прочим пишет: «Наиболее значительной постройкой Сольца с южной стороны, уже за пределами огорода Флеминга, был небольшой дворец барона Симона де Симоновича, армянина по происхождению, который разбогател на торговле вином и в 1768 г. получил шляхетство. Трудно сказать, был ли Симонович первым собственником особняка. Во всяком случае, на плане Тиррегайя 1762 г. отмечены как здание, так и фамилия Симоновича [...]. В 1820 г. после смерти Симоновича его владение купила на публичных торгах Луция из Лазаровичей, замужем за Фридериком Даленом [...]. Особняк в виде полуразвалившегося дома с отпавшей штукатуркой даже пережил последнюю войну. Около 1951 г. его заботливо отреставрировали»¹⁸.

Общезвестный факт, что торговля была главным занятием армян, прибывших в Польшу, подтверждают также письменные источники, относящиеся к Варшаве XVIII в. О некоторых из прибывших известно лишь то, что они являлись купцами, однако неизвестно, чем они торговали. Эту общую информацию сообщает Владислав Смоленский о значительной группе варшавских армян. Итак, купцами являлись: Гжегож Кжиштофович, Ян из Дукли Енджеевич, Августин Минасевич (1789 г.) (год здесь и ниже указывает, что тогда данный горожанин был записан в городскую книгу старой Варшавы), Михал Лазаревич и один из Богдановичей¹⁹. О других имеем более точные сведения, из которых узнаем, что они занимались как розничной, так и оптовой торговлей, специализируясь главным образом на торговле бакалейными товарами. Это были импортированные с Востока пряности, сладости, бакалея, табак, южные фрукты и т. п. Магазины, в которых продавали эти товары, называли «турецкими магазинами», в отдельных случаях из «турецкой торговли» выделяли «торговлю вином».

«Турецкой и винной торговлей» занимался сам президент Старой Варшавы Юзеф-Михал Лукашевич (1761 г.), уроженец Каменца-Подольского. Турецкой торговлей занимался Петр Абделминасович, а владельцами «турецких магазинов» являлись Деодат (1755 г.) и Адам Богдановичи, отец которых прибыл в Варшаву из Ирана, Теодор Манугевич (1784 г.), прибывший в столицу из Каменца-Подольского. «Восточной торговлей» занимались Ян и Алоиз Енджеевичи. Первый из них составил компанию с другим братом, Станиславом, и очень разбогател. «Торговлей колоннальными товарами» занимался даже провизор госпиталя св. Лазаря Станислав Рафалович. Торговлей пряностями не гнушался также Енджей Рафалович, имевший также магазин железных изделий²⁰.

С «турецкого магазина» начинал свою деятельность в Варшаве даже Паскальн Якубович, прибывший из Тохата в 1761 г., позже изготовитель известных поясов. Он вошел в общество с Матеем Лышковским, а также с купцом Дитрихом Роде из Гамбурга, и импортировал меха, табак и апельсины. Торговлей вином занимался упомянутый выше Симон де Симонович, являвшийся одновременно владельцем имений в Сандомирском воеводстве. Вместе с Игнацом Кжиштофовичем винной торговлей занимался варшавский городской советник Францишек-Ксаверы Макарович (1785 г.)²¹.

Варшавские армяне торговали также тканями, однако об этом сохранились очень скудные сведения. Можно предполагать, что и в этой области армяне столкнулись с сильной конкуренцией турецких и персидских купцов. Известно однако, что компанию по торговле мануфактурой создали Алоиз и Станислав Енджеевичи. Торговал мануфактурой также и Якуб Рафалович. В дальнейшем «брабантские магазины», т. е. в первую очередь, с кружевами и похожими украшениями, вели после отца Казн-

¹⁸ M. Kwiatkowski. Niechaj twych ulic wiatr mnie owlonie... Architektura warszawskich dzielnic. Warszawa, 1973, s. 97—99.

¹⁹ W. Smoleński. Mieszczanstwo..., s. 60, 63.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, с. 63, 65—68.

муж Мурадович, а также Гжегож Манугевич (1782 г.), прибывший из Каменца-Подольского²².

Купцом и одновременно старейшиной купеческого цеха был Антони Моратович (вариант фамилии Муратович). Вместе с известным банкиром, литератором и деятелем периода Четырехлетнего сейма и восстания Костюшко Анджеём Капостасом (Енджеем Капоштасом, происхождение которого нам неизвестно) он выступил в печати в защиту другого горожанина, некоего Велжковского, обвинявшегося в том, что «будто бы червонные злотые обрезал, обрезанные пускал в оборот, а обрезки перерабатывал»²³.

Ремесленники и промышленники. Варшавские армяне проявляли свою активность также в ремесле и промышленности. Об армянах-ремесленниках в XVIII в. имеется мало сведений, однако известно, что в Варшаве портным был Антонн Лазарович (1774 г.), выходец из Каньчуги, а бондарем—Марцин Августиневич (1779 г.). Модным магазином у Краковских ворот под № 297 владела Уршуля, вдова Михала Лазаровича²⁴.

Среди армян XVIII в. были также предприниматели, распространившие свою деятельность на территории, расположенные далеко от столицы. Например, упоминавшийся выше Енджей Рафалович был не только владельцем бакалейного магазина и магазина железных изделий, но и имел также фабрику по изготовлению французских и польских игральные карт. Он участвовал в различных промышленных и торговых предприятиях, особенно в компаниях, владевших шерстяной и табачной мануфактурами²⁵. Наиболее известным и прославившимся был Пасхалис Якубович, отличавшийся предприимчивостью и широким диапазоном деловых интересов. Свою широко известную фабрику слухских поясов он основал сначала в Варшаве, а потом в Липкуве. Компаньоном его был Антони Кругер из Бискупца в Вармии. Директором фабрики в Липкуве стал Элиас Блюцинский²⁶. В ризалите костела в Липкуве до сих пор можно прочесть надпись на дарственной табличке, упоминающей посещение этой фабрики Пасхалиса Якубовича королем Станиславом-Августом, в окружении свиты из многочисленных сановников. Надпись в переводе с польского гласит: «Богу, дарителю всех даров, чтобы соизволил благословить сельское хозяйство и ремесла, а также поддерживающего их короля Станислава-Августа, построен сей костел помещиком именина Зеленок Пасхалисом Якубовичем в 1792 году». Посещение короля в определенной мере закрепило победу Якубовича над его соперником, французом Клодом Фийжаком, который имел аналогичную фабрику поясов в Кобылке. Пояса, изготавливаемые в мануфактуре Пасхалиса Якубовича, были тяжелые, наполовину золотые, наполовину серебряные, с изображением агнца с флагом или с инициалами P. T., либо с надписью «Paschalis me fecit». Они приобрели огромную популярность и до

²² Там же, с. 61, 68.

²³ J. K o p o s z t a s, A. M o r a t o w i c z. *Najłasnlejszy krolu nasz miłosciwy nay. Rzpety Skonfederowane Stany*. Б. м., б. г., s. 3.

²⁴ W. S m o l e n s k i. *Mieszczanstwo...*, s. 60.

²⁵ Там же, с. 64.

²⁶ Там же, с. 64—66. О жизни и деятельности Пасхалиса Якубовича см., напр.: S. B a g a c z. *Żywoty*; *Polski Słownik Biograficzny* и др. Небольшой дворец в Липкуве (ныне здесь приход) построил, по-видимому, сам Якубович; ср. напр.: B. St. P a p P a s c h a l i s - i „Polskie drogi”.—*Życie Warszawy*, 31 października 1977. Подробную биографию поместила М. Юзевич в: *Polski Słownik Biograficzny*, t. 10, 1962—1964, S. 373—379. Из нее можно узнать, что Пасхалис Якубович, сын Акола (Якуба) Армянина был женат на армянке Марианне Мурадович (1776 г.) и имел от нее пятерых детей. В 1811 г. его сын Александр получил от отца 180 000 пол. злотых на покупку имения Мошна в Блонском уезде. По-видимому, потомкам именно этого сына принадлежало до второй мировой войны имение Плохоня. Местное население называло их «Пасхалисами».

сих пор являются украшением многих музеев. Как вспоминает Ядвига Вандель-Дмоховская, пояса армянина Пасхалиса Якубовича экспонировались на выставке польских миниатюр, тканей и вышивок, организованной Обществом охраны памятников старины в доме Барычков в июне—июле 1912 г.²⁷

О других предприятиях армян в Варшаве узнаем, что один армянин имел кирпичный завод на улице Маршалковской. Об этом пишет Станислав Гербст: Около 1771 г. «по нечетной стороне Маршалковской виднелись два кирпичных завода, один вблизи ул. Новогродзкой (Петра Абделминасовича), второй—ул. Вступульной (полк. Гротовского). Их глиняные карьеры занимали обширное пространство сегодняшнего перекрестка ул. Познанской, Журавей, св. Варвары»²⁸.

Банкиры. Другим родом занятий, популярных среди армян, были разного рода финансовые операции, очень тесно связанные с производственной и торговой деятельностью. Среди варшавских армян были настоящие финансовые магнаты, услугами которых часто пользовались аристократы и даже короли. Общеизвестны факты денежной помощи королевской казне Станислава-Августа армянскими купцами и банкирами. В ответ на это король отблагодарил их, наделив привилегиями и придворными титулами. Известно, что финансовыми операциями широкого масштаба занимался Якуб Рафалович, который, между прочим, давал деньги под залог. Гжегож Лышквич и его сын Мацей руководили в Варшаве банками²⁹.

Юристы, служащие, переводчики. Определенная группа армян, поселившихся в Варшаву, более или менее полонизированных, занималась юриспруденцией, а также служила в различных учреждениях. В этой области у них были также значительные достижения. Согласно источникам, в XVIII в. юристом был Антон Балевиц, а секретарем Комиссии казначейства—Францишек-Ксаверы Андрыхович. Городским кассиром являлся Игнацы Кжиштофович, а секретарем варшавской почты—Гжегож Захарнасевиц. Пост ассессора придворного суда занимал по распоряжению короля Ян Кжиштофович³⁰.

В склепах варшавского кладбища на Повонзках до сих пор сохранились две таблички, на которых читаем (в переводе с польского): «Давид Торосевич, адвокат, прожил 64 года, умер 8 августа 1849 г. Преданные дети любимейшему отцу ставят на память», а также «С[вятой] п[амати] Михал Торосевич, б[ывший] адвокат, умерший в возрасте 74 лет 8 мая 1856 г. Мир праху его».

В то же время до нас дошли эпитафии, увековечивающие заслуги Юзефа-Дионизия Миначовича и его жены Агнешки, родителей Августа. Варшавский купец Август Миначович занимал ряд высоких должностей, в частности, бургомистра города. В качестве такового он встречал царя Александра I, прибывшего в Варшаву. Содержание обеих эпитафий мы знаем по К.-В. Вуйцицкому (в переводе с польского): «Здесь покоятся останки Августина Миначовича, в прошлом главы Совета города в эпоху Варшавского княжества, заместителя председателя торгового трибунала Мазовецкого воеводства и мирового судьи округа города Варшавы. Родился 28 августа 1765 г., умер 31 октября 1833 г. Да не забудут земляки его сорокалетних заслуг. Жена и дети поставили ему сен бранный памятник вечной скорби»³¹. Из другой эпитафии узнаем, что мать Юзефа-Диониза была полькой: «...Дети с[вятой] п[амати] Агнешки Миначович, дочери Юзефа Дульского и Эльжбеты из Туробойских, помещиков из Подолии, родившейся в Овенску в 1768 г., вышедшей замуж за Августа Миначовича

²⁷ J. Wydel Dmochowska. Dawna Warszawa. Wspomnienia. Warszawa, 1958, s. 415, 418.

²⁸ J. J. Starożyk. Krzyż na ul. św. Barbary w Warszawie.—Ziarno, 1902, № 7, s. 126—129. Цит. по кн.: S. Herbst. Ulica Marszałkowska. Warszawa, 1978, s. 44.

²⁹ W. Smoleński. Mieszczanstwo..., s. 68.

³⁰ Там же, с. 63.

³¹ K. W. Wójcicki. Cmentarz Powązkowski pod Warszawą, t. 2. Warszawa, 1856, s. 204.

в 1791 г. и умершей в Варшаве 4 октября 1844 г., погребли тело милейшей матери рядом с останками отца».

Славный род Августиновичей (герба Одровонж) имел, по-видимому, своих представителей в Варшаве—Миколая-Яна, Гжегожа, сына львовского городского советника и Анны Бернатович, возможно и Марцина, бондаря. Поэтому армянского происхождения был возможно и Ян Одровонж-Августинович, высокопоставленный чиновник, которому посвящена табличка с надписью, сохранившаяся до сих пор в склепе варшавского кладбища (в переводе с польского): «Ян Августинович, статский референдарий, начальник [...] вероисповеданий и духовенства в П[равительствующей] к[омиссии] в[нутренних] д[ел], кав[алер] ордена св. Станислава 2-го класса. Пенсйонер. Умер 7 апреля 1845 г., прожил 68 лет».

Выполнение функций переводчиков различного ранга на протяжении веков являлось привилегией львовских и каменецких армян. Однако мало известен факт, что в Варшаве также проживал переводчик, специализировавшийся в области политики, знаток языков восточных соседей Речи Посполитой. Им был Игнацы Манугевич, именуемый, судя по источникам, титул «переводчика для русских экспедиций»³². Широко известны заслуги купца Сефера Муратовича, посланного королем Сигизмундом III для возобновления торговых связей между Польшей и Ираном, а также для закупок шатров, ковров, оружия, лошадей и т. д. Муратович был автором напечатанного в 1777 г. отчета, озаглавленного *Relacja Sefera Muratowicza, obywatela warszawskiego, od Zygmunta III, króla polskiego, wysłanego dla kupna w Persji 1602 r.* Вопреки заглавию этого отчета, он был поочередно горожанином Замостья, Львова, Каменца, но не являлся горожанином Варшавы. Мы упоминаем его, так как именно в Варшаве принял его король, а ковры, по мнению З. Абрагамовича, были предназначены для украшения варшавского замка³³. Послом Августа II в Персию в 1699 г. был назначен «варшавский горожанин» Якуб Нуркевич.

³² W. Smoleński. *Mieszczanstwo...*, s. 61.

³³ *Dykcjonarz biograficzno-historyczny czyli krótkie wspomnienie żywotów ludzi wsławionych cniłą nauką, przemysłem, męstwem, wynalazkami, błędami...*, t. 2. Warszawa, 1844, s. 116. О Муратовиче и его миссии писали много раз. См., напр.: Т. Малковский. *Sztuka Islamu w Polsce w XVII i XVIII wieku*. Kraków, 1935, s. 24—26; W. Smoleński. *Mieszczanstwo*, s. 65—66; B. Baranowski. *Znajomość Wschodu w dawnej Polsce do XVIII w.* Łódź, 1910, s. 206—207; B. Baranowski. *Ormianie w służbie dyplomatycznej Rzeczypospolitej*.—*Mysł Karaimska*, seria nowa, t. 1, 1946, s. 124—125; A. Zajączkowski. *Orientalistyka polska a Bliski Wschód*.—*In: Szkice z dziejów polskiej orientalistyki*, t. 2. Warszawa, 1966, s. 23—24. J. Reycheman. *Znajomość i nauczanie języków orientalnych w Polsce XVII w.* Wrocław, 1950, s. 102. М. Тыщицкая в статье: *Kobierce związane*.—*In: Zarys historii włókiennictwa na ziemiach polskich do końca XVIII wieku*. Pod red. J. Kamińskiej i I. Turnau. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1966, s. 208, пишет: «Зигмунт III в 1601 г. послал в Персию армянина Сефера Муратовича с целью заказать в Кушане ковры с королевскими гербами и присмотреть за их изготовлением. О дальнейшей судьбе этого королевского поручения точно ничего не известно. Однако не исключена возможность, что этот заказ можно объединить с шелковыми коврами с гербами Вазы, хранимыми в государственных собраниях в Мюнхене, которые являлись приданным королевы Анны-Катажины, выданной замуж за баварского князя». О характере миссии С. Муратовича, который и в настоящее время вызывает споры, З. Абрагамович пишет: «С. Муратович объяснил, что персидские послы не добрались до Польши, а он сам как купец имеет поручение не заниматься политикой, а только склонить шаха начать переписку с королем. Это объяснение он повторил также Аббасу [...]. Он был принят шахом, имел с ним беседу с глазу на глаз, во время которой Аббас I [...] рассказывал о своих антитурецких и прохристианских планах и просил его сообщить об этом Зигмунту III [...]. Письмо Аббаса I Зигмунту III [...] не сохранилось даже в переводе».

В XVIII в. весьма почетное место занимали многие из варшавских армян в городском самоуправлении и в профессиональных корпорациях. В городском управлении их можно было встретить на всех уровнях чиновничьей лестницы—от самых низших ступеней до самых высших. Например, известный нам Пасхалис Якубович был сначала избран служащим городского управления, а позже членом лавы. Членами лавы в XVIII в. являлись также Станислав Енджеевич и Юзеф Лукашевич (старший член лавы). Городскими советниками Старой Варшавы были Францишек-Ксавьеры Макаревич, Ян-Томаш Андрыхович и Станислав Рафалович. Личность последнего увековечена на табличке в склепе кладбища на Повонзках, где, однако, не перечислены занимаемые Рафаловичем посты: «Станислав Рафалович. Его желанием была гуманность, целью—[сохранение] имени честного человека. Он его получил и оно стало ему наградой. Прожил 55 лет, умер 2 марта 1798 г.». По всем ступеням должностной лестницы в самоуправлении прошел Юзеф-Михал Лукашевич (1761 г.), выходец из г. Каменца. Президентами старой Варшавы были еще и Францишек Андрыхович (1691 г.) и Павел Андрыхович (1765 г.). Последний получил от короля Станислава-Августа звание *eques auratus*, т. е. «золотого рыцаря». Советником в Новой Варшаве был в 1778 г. Антони Миннасович³⁴.

Некоторые армяне, входившие в состав патрициата города, получили посты в городских организациях. Так, например, Пасхалис Якубович в 1789—1790 гг. занимал пост старейшины кулеческого цеха Варшавы³⁵.

Ряд варшавских армян имел разнообразие ежедневные контакты с королевским двором, особенно в период правления Сасов и Станислава-Августа. Получаемые ими звания и титулы не приносили, однако, какой-либо серьезной материальной выгоды. Звание, которое Станислав-Август даровал чаще всего, был титул «секретаря его королевского величества». Его получили Ян Енджеевич, Ян-Канты Бадзевиц, Пасхалис Якубович, Гжегож Захарнасевиц. Званием своего советника (консилиара) одарил в 1789 г. Станислав-Август Юзефа-Казимежа Лукашевича³⁶.

Общезвестно, что некоторым армянам даровалось шляхетство со всеми его привилегиями, в том числе и право приобретать имения, но случаи нобилизации варшавских горожан армянского происхождения были относительно редки.

Владельцы недвижимого имущества. Знание людей и практических дел, предприимчивость в торговле, способности к языкам, легкая приспособляемость и другие качества содействовали тому, что варшавские армяне стали не только материально обеспеченными, но зачастую и весьма богатыми горожанами. Вскоре после поселения в Варшаве они начали строить либо приобретать каменные дома, а часто также открывали свои магазины и предприятия на территории города либо за его пределами. Так как горожанам в Варшаве запрещалось покупать земельные участки, они на время переезжали в Краков, где не было подобного запрета, а потом возвращались. Дома армян обычно находились в центре города. Ян Рафалович, например, руководивший вместе с тестем торговым обществом, имел каменный дом № 1675 на ул. Мокотовской. Ромуальд и Антони Микласевичи являлись совладельцами дома № 19 по ул. Святоянской. Уршуля Лазарович была совладелицей дома № 297 в Краковских во-

См.: Z. Abrahamowicz. Muratowicz Sefer.—In: Polski Słownik Biograficzny, t. 22, 1977, s. 269—271. Это последнее утверждение спорно, так как, согласно новейшим исследованиям Я. Р. Дашкевича, письмо, привезенное из Исфагана, сохранилось в польском переводе, до сих пор неизданном. Отметим также, что издание 1777 г. «Relacji» Сефера Муратовича ныне устарело, т. к. имеется новое издание с более уточненными данными и критическими комментариями А. Валашека. См.: Trzy relacje z polskich podróży na Wschód muzułmański w pierwszej połowie XVII wieku. Wybór, wstęp A. Walaszek. Kraków, 1980.

³⁴ W. Smoleński. Mieszczanstwo, s. 61—65, 178.

³⁵ Там же, с. 66.

³⁶ Там же, с. 61.

ротах. Алоиз и Станислав Енджеевичи возвели каменный дом на ул. Беднарской на землях монахов-кармелитов, при нем были конюшня и каретные сараи. Собственниками домов были также Юзеф-Михал Лукашевич (на Рынке Старого города, дом № 67), доктор медицины Якуб Андрыхович (дом на Пивной, купленный им в 1778 г. за 36000 пол. злотых), а также Игнацы Андрыхович, аптекарь (дом напротив кафедрального костела св. Иоанна)³⁷. Были домовладельцы и побогаче. Доктор медицины Войцех Андрыхович в 1777 и 1781 гг. купил два дома—на Рынке Старого города и на Краковском предместье. Встречались и настоящие крупные домовладельцы. К таким принадлежал, например, Пасхалис Якубович, купивший в июле 1783 г. каменный дом № 450 на Краковском предместье Варшавы. Кроме того он имел на Марненштадте особняк с конюшнями. Владел он также и недвижимым имуществом за пределами города: у бывшего канцлера Енджея Замойского он купил в Мазовии село Зеленки вместе с двумя фольварками—Прусы и Липкув, о чем уже упоминалось. Енджей Рафалович (1761 г.) имел на Краковском предместье дом, называемый Розеновским, тыльной стороной расположенный к ул. Сенаторской, большой дворец по ул. Даниловической, дом с оранжереей и огородом на Фаворах, часть дома № 363 возле Краковских ворот, а также особняк на Рыбаках. В 1785 г. Пасхалис Якубович купил еще два дома на Краковском предместье и один по ул. Козей. Гжегож Захарясевиц, секретарь варшавской почты, купил в 1787 г. село Носы в Варшавской земле. Барон Симон де Симонович был владельцем Мсцева, Дораза и Каменца в Сандомирском воеводстве³⁸.

Врачи, аптекари, работники госпиталей. Общезвестны заслуги скромного галлицейского аптекаря Игнаца Лукашевича, заложившего основы нефтяной промышленности в крае, происходившего, по-видимому, из армянской семьи. Источники свидетельствуют, что в XVIII в. в Варшаве среди аптекарей двое были армянами. Одним из них был Игнацы Андрыхович, женатый на Зузанне Гидельской, дочери купца-бакалейщика. Он имел недвижимость на ул. Святоянской и выполнял небольшие обязанности в городском правлении. По-видимому, ему посвящена следующая памятная табличка в склепе кладбища на Повонзках, на которой читаем (в переводе с польского): «Игнацы Андрыхович, родился 29 июля 1737 г., умер 13 октября 1796 г. Просит помянуть его». Другим аптекарем был Антони-Казимеж Андрыхович (1714—1758 гг.), переехавший в Варшаву из Плоцка³⁹.

Среди варшавских армян было немало врачей. Докторами медицины были: Якуб Минасевич, сын Теодора, стипендиат Римского университета и Войцех Андрыхович, женатый на Анне Фонган. Доктор Ян Яськевич, проживавший в Кракове, выполнял обязанности придворного врача короля Станислава-Августа. О нем известно, что он сотрудничал со Станиславом Сташнем⁴⁰. Несколько больше сведений о врачах армянского происхождения в Варшаве можно почерпнуть из специальной литературы. Так, из изданного в 1882—1888 гг. справочника С. Косминского⁴¹ узнаем, что философ Юзеф Голуховский (1797—1858), написал трактат, озаглавленный «Способ лечения холеры при помощи холодной воды, завершившийся успешно». Эта брошюра, объемом в 50 страниц, была напечатана в 1849 г. в варшавской типографии Унгра. Из этого справочника можно узнать, что Ян Енджеевич родился в Варшаве в 1835 г., посещал в столице реальную гимназию, а в 1856—1861 гг. был слушателем курса медицинских наук в Москве. Позже поселился в Плонске, где основал астрономическую обсерваторию. Некий Пасхаль получил в 1765 г. в Замостье степень доктора филосо-

³⁷ Там же, с. 60—63, 65, 67—68.

³⁸ Там же, 60, 62, 64, 66.

³⁹ Там же, с. 61, 62.

⁴⁰ S. Barącz. Żywoty, s. 144—146.

⁴¹ S. Kosminski. Słownik lekarzów polskich. Warszawa, 1882—1888.

фии, в том же году вступил в орден св. Иоанна и в варшавском госпитале для психических больных выполнял обязанности врача вплоть до 1790 г.⁴²

В заключение можно сообщить, что провизором, т. е. управляющим госпиталем св. Лазаря был упомянутый выше Станислав Рафалович⁴³.

Духовенство. Несмотря на то, что имеется ряд работ, посвященных истории армянской церкви в Польше и ее уни с Римом, наши познания о роли священников армянского происхождения в старой Варшаве недостаточны и требуют архивных разысканий. В более изученном XVIII веке священники армянского происхождения на службе в католической церкви в Варшаве выполняли ответственные функции.

Варшавскими священниками были также Каetan Мурадович, оставивший завещание в 1790 г. и Петр Миначович. Приходским священником в Пясечне был Юзеф Енджеевич, а приходским священником в Касках—Миколай Манугевич (praepositus Kasieński)⁴⁴. В различных исследованиях есть сведения о священнике Миколае-Яне Манугевиче (1754—1834), сейненском епископе, канонике коллегии в Ловиче, прелате варшавского капитула, а с 1816 г. первого варшавского суфрагана. Он умер 25 июня 1834 г., однако место его погребения в варшавском кафедральном костеле неизвестно. Его обширная биография, написанная В. Малеем, издана в Риме в 1966 г.⁴⁵

Приходским священником в Гарволине и инфлянским каноником был Барон Феликс де Симонович. Каноником и заместителем хранителя (кустоша) варшавской коллегии был священник Якуб Миначович, а викарием—священник Юзеф Миначович. Прокураторами монахов-миссионеров при коллегии св. Иоанна являлись священник Ян Мурадович, хелминский каноник, настоятель прихода, уездный коадьютор, а также священник Стефан Богданович (брат Адама), затем Фрацишск-Матеуш Балинский, приходский священник в Жбнкове⁴⁶. Варшавским каноником был священник Миколай Яськевич (ум. в 1779 г.). Сведения о его проповеднической и литературной деятельности сообщил С. Баронч⁴⁷. В костеле в Вилянове до сих пор хранится в хорошем состоянии табличка в память о настоятеле тамошнего собора, священнике Михале Аведике (в переводе с польского): «Б[огу] и [анлучшему], в [еличайшему]. О[тец] Ми-

⁴² S. Kosmiński. Słownik lekarzów polskich. Warszawa, 1882—1888, s. 147, 199, 376.

⁴³ W. Smoleński. Mieszczanstwo, s. 65.

⁴⁴ Ibid., s. 60—63, 68.

⁴⁵ В. Малей о нем пишет: «Епископ М. Манугевич родился на Подолье в селе Рыхтичи (Rychcice) и происходил из армянской семьи. Шляхетство получил в 1790 г. Учился в иезуитском коллегииуме в Золочеве, потом в Замостье, являлся доктором свободных наук и философии, учителем словесности. Опубликовал трагедию в стихах «Jozef niewinny», которая была поставлена на сцене 2 августа 1777 г. в исполнении его учеников. Учился в Риме, где и был посвящен в духовный сан, затем получил степень доктора теологии honoris causa Вильнюсского университета. Он был варшавским каноником, сохачевским судьей, прелатом-хранителем (кустошем), референтом духовной секции Комиссии вероисповеданий и народного просвещения... с 1826 г.—епископом и сенатором Польского королевства, кавалером ордена св. Станислава I класса. Умер М. Манугевич 24 или 25 июня 1834 г. См. о нем: Encyklopedia kościelna ks. Nowodworskiego, t. 12, s. 384—386; W. Malej. Sylwetki.—In: Szkice do dziejów archidiecezji warszawskiej. Praca zbiorowa pod red. W. Maleja. Rzym, 1966, s. 271—272.

⁴⁶ W. Smoleński. Mieszczanstwo, s. 59—61.

⁴⁷ С. Баронч пишет: «Яськевич Миколай, родственник Августиневичей, сначала был главой варшавского коллегииума, издал книгу, озаглавленную Polityk chrześcijański, albo przestrogi i uwagi chrześcijańskopolityczne wszelkiemu stanowi służące, в Варшаве, 1757 и 1767. Позже получил приход в Холме и Ловиче, тогда же написал Szczęśliwość wiejskiego żywota. Умер в 1779 г. В рукописи было сочинение озаглавленное Skarb w ziemi ukryty, изданное в Варшаве, в 1779, благодаря заботам Юзефа-Элифания Миначовича».

хл. Аведик. Инфлянтский кафедральный кан[оник], пропов[едник] е[го] к[оролевской] м[илости], настоятель прихода в Билянове на протяжении 20 лет. Умер 8 января 1816 г. Надгробная плита установлена 4 декабря 1855 г. прихожанам⁴⁸.

Высокую обязанность епископа-администратора Варшавской дицезии исполнял иезуит Гжегож Захарнаевич (1740--14 мая 1814). Он был известным проповедником в коллегии св. Иоанна. В 1772--1776 гг. издал ряд проповедей и пятитомник *Zbiór starożytnych moralistów* (переведенный с французского). Был также членом Варшавского общества друзей наук⁴⁹. Как сообщает *Polski Słownik Biograficzny* «в это время жили, по крайней мере еще два священника Миначовича, занимавшиеся литературным трудом, а именно: Юзеф, сениор викариев при варшавском коллегииуме (1766 г.) [...] и Изидор, августинец, имеющий титул королевского теолога, автор политических и панегирических стихов, публиковавшихся в 1768--1770 гг.»⁵⁰

Политические и военные деятели. В польской исторической литературе существует мнение, что военное дело не было любимым занятием польских армян⁵¹, хотя они сами изготовляли и носили при себе разнообразное холодное и огнестрельное оружие, а при необходимости умели как следует его применить; не только на словах, но и на деле проявляли готовность защищать новоприобретенную родину.

Имеющиеся в нашем распоряжении факты о наличии профессиональных военных в семьях варшавских армян, начиная с XVIII в., представляют большой интерес и свидетельствуют о продолжении у них традиций XVI--XVII вв.

Как отмечает В. Смоленский, два сына барона Симона де Симоновича (получившего в 1763 г. австрийское шляхетство, а в 1768 г. польское) были профессиональными военными: Теодор служил в конной артиллерии, а Балтазар в литовской артиллерии в звании прапорщика⁵². Поручиком польских войск был Ян Миначевич (Миначович). В 1768 г. он был возведен в польское шляхетство на чрезвычайном сейме в Варшаве⁵³. Валентин Андрыхевич (сын Францишека, деятеля времен восстания Костюшко, родился в Варшаве 12 февраля 1787 г.) достиг высокого звания бригадного генерала польского войска. Он прошел ряд кампаний: в 1809 г. участвовал в боях против Австрии под Рашином, Сандомирном, Вжосами. Во время ноябрьского восста-

⁴⁸ K. W. Wójcicki. *Cmentarz*, t. 2, 1856, s. 2; W. S. Smolenski. *Mieszczanstwo*, s. 61.

⁴⁹ Z. Król. *Archidjkonat warszawski*.—In: *Szkice do dziejów archidiecezji warszawskiej*. Rzym, 1963, s. 88, 95. Более детальную биографию сообщает В. Малей: «Захарнаевич Гжегож, епископ, руководитель канцелярии архиепископской консистории в Ловиче, суфраган в Ловиче. Происходил из армянской семьи... С 1768 г. он был проповедником в коллегииуме св. Иоанна, затем—настоятелем прихода в Иновлодз, Хрусельне, Раве-Мазовецкой, ловничим официалом, руководителем канцелярии примаса Островского, пользовался благосклонностью короля Станислава Понятовского и епископов того времени. В 1798 г. он был посвящен в сан титулярного епископа, был администратором Варшавской дицезии. В 1821 г. был издан его сборник апостольских канонов, относящихся к греко-католическому обряду (ср.: *Encyklopedia Orgelbranda*, t. 28, s. 1743; *Encyklopedia kościelna* ks. Nowodworskiego, t. 32, s. 467--468). См.: W. Malej. *Sylwetki*, s. 286.

⁵⁰ *Polski Słownik Biograficzny*, t. 21, 1976, s. 276.

⁵¹ W. Łozinski. *Patrycjat i mieszczaństwo łwowskie w XVI i XVII wieku*. Lwów, 1892, s. 272; J. Ptasnik. *Op. cit.*, s. 372.

⁵² W. S. Smolenski. *Mieszczanstwo*, s. 61.

⁵³ S. Barącz. *Żywoty*, s. 217.

ния был командиром 1 бригады 2-й дивизии, а позже 2 бригады 3-й дивизии. Воевал под Добром, Гроховом, где отличился особенно в бою за Ольшину. За заслуги в этой битве получил звание бригадного генерала и выполнял обязанности губернатора Пражского пригорода Варшавы. Во время осады столицы защищал ее со стороны Мокотова. Умер 22 сентября 1849 г. Имя этого мужественного командира осталось в благодарной памяти жителей Варшавы⁵⁴. В склепе кладбища на Повонзках сохранилась табличка в память о нем. Под изображением сабли, скрещенной с ножами, п шишака читаем (в переводе с польского): «Валенты Андрыхевичу, б[ывшему] командиру 3-го линейного полка б[ывшего] Польского войска, умершему 22 сентября 1849 г., любящие дети установили этот памятник».

На православном варшавском кладбище на Воле в одном из его кварталов, носящем название «армянская горка», читаем следующие две эпитафии. «Лейб-гвардии уланского его величества полка поручик Герасим Дмитриевич Мелнк-Шахназаров сконч[ался]. 25 декабря 1870 г.» «Полковник Иосиф Андреевич Пирадов род. 30 окт. 1851 г., скончался 7 апр. 1905 г.»

Литераторы, ученые и деятели культуры. Среди варшавских армян было немного литераторов, однако имя одного из них—Юзефа-Эппфани Минасовича—надолго вошло в историю польской литературы. Приведем о нем мнение историка польской литературы Александра Брюкнера: «К ближайшему кругу Залуского принадлежал Минасович, киевский каноник, армянин, неутомимый стихотворец, более галантливый, чем Залуский, который восхвалял его стихи и покровительствовал автору [...]. Минасович активизировал переводами литературную жизнь, занимаясь разнообразными ее областями»⁵⁵.

Носитель этой же фамилии Юзеф-Джонпзы Минасович (ум. 26 августа 1849 г. и похоронен в склепе кладбища на Повонзках) был не только государственным деятелем, но и писателем. Он писал лирические стихи, баллады, переводил Шиллера. Его сочинения были изданы в 1844 г. в четырех томах. О его научной карьере известно только, что 1 февраля 1817 г. он был назначен секретарем-переводчиком с иностранных языков при прокуратуре Польского королевства, а 6 октября 1818 г.—профессором юридического факультета Варшавского университета, где на протяжении трех лет без вознаграждения преподавал римское и торговое право. Удачной была также его поли-

⁵⁴ S. Pomarański. Andrychiewicz Walenty. —In: Polski Słownik Biograficzny, t. 1, 1935, s.98—99. На эту статью обратил наше внимание М. Богосевич (письмо от 29 июля 1979 г.), которому выражаем благодарность.

⁵⁵ A. Bruckner. Dzieje literatury polskiej w zarysie, t. 1. Warszawa, s. a, s. 392. В словаре первой половины XIX в. он охарактеризован следующим образом: «Минасович, Юзеф-Эппфани, трудолюбивый и очень заслуженный литератор и стихотворец в польской литературе периода правления королей Августа III и Станислава Понятопского. О его жизни сохранилось мало сведений; известно только, что родился в 1718 г. в Варшаве, в богатой армянской семье, удостоен титула королевского секретаря, а от киевского епископа Юзефа Залуского—сана каноника киевского кафедрального собора. Умер 15 октября 1796 г. в Варшаве. Последние дни его жизни были отравлены горечью, так как он вынужден был бороться за удовлетворение насущных потребностей настолько, что Игнацы Красицкий, вармийский епископ, ввиду его полного одиночества вынужден был удовлетворять потребности его нищенской старости. Он оставил много стихов, в которых проявилась его большая эрудиция и трудолюбивость. Переводы классических авторов, особенно эпиграмм, имеют достоинства точности, хотя стих не всегда ровный». См.: Дуксупагз, t. 2, s. 93. О заслугах Ю.-Э. Минасовича для изучения прошлого армян, а также об оставленных им рукописях сообщает Я. Р. Дашкевич, который в связи с тем, что Минасович несколько лет прожил во Львове, украинизирует имя этого секретаря польского короля, называя его «Йосып-Эппфани Минасович». См.: Ya. Da ch k é v y t c h. Les historiens arméniens en Ukraine au XVIIIe siècle.—Revue des Études arméniennes. N. S. Paris, t. 9, 1972, p. 417—420.

гическая карьера: в 1830 г. был назначен статским референдарием, в 1832 г. — членом Статского совета в Комиссии прибылей и казны, в 1843 г. — членом сената⁵⁶. Табличка с гербом гласит (в переводе с польского): «Здесь покоятся останки наилучшего мужа и отца с[вятой] п[амати] Юзефа-Диониза Минасовича, статского референдария, члена правительственного сената, кавалера ордена св. Анны 2-го класса, св. Станислава 2-го класса, св. Владимира 4-го класса и Красного орла 3-го класса. Родился 6 ноября 1792 г., умер 26 августа 1849 г. Скорбящая жена с тремя детьми сохранили о нем благодарную память».

Из армянской семьи происходил и популярный в свое время писатель Феликс Бернатович (род. в 1786 г. в Каунасе, умер в Ломже в 1836 г.), который как секретарь князя Чарторыского опекал библиотеку в Пулавах. В 1831 г. приехал в Варшаву, а с 1834 г. после пребывания в Познани, Дрездене и Париже поселился в столице. В Варшаве он был редактором газеты *Dziennik Powszechny* и занимался литературным трудом, получил известность как автор сентиментальных и историко-приключенческих романов⁵⁷.

Значительную часть своей жизни посвятил науке и сын варшавского торговца мануфактурой Якуба Антони Якубович (родился в 1789 г.); он учился в варшавской школе пиаров, а с 1808 г. находился на военной службе в артиллерии, принимал участие в кампаниях 1809 и 1812 гг. В 1832 г. стал секретарем-переводчиком с русского языка в правительственной комиссии прибылей и казны. К.-В. Вуйцицкий пишет о нем: «преданный науке, все свободные минуты посвятил ей, особенно филологии». Его похоронили на кладбище на Повонзках, без надгробия⁵⁸.

На варшавском кладбище Старые Повонзки имеется отдельная семейная могила армян Мысыровичен, в которой погребены Владислав-Александр Мысырович (ум. в 1884 г.), Феликс Мысырович (ум. в 1923 г.), Юлиан Мысырович (ум. в 1937 г.), Юзеф Мысырович (ум. в 1981 г.) и др. Фамилию Мысырович (от араб.-гур. *Misir* — Египет) упоминает историк Ярослав Гануш⁵⁹. С семьей Мысыровичей поддерживал дружеские отношения известный польский писатель Генрих Сенкевич: «Барбара и Юзеф Мысыровичи вручили Мосю письма Сенкевича к бабушке Ядвиге из Рыков и дяде Владислава Мысыровича, лечившемуся в Сан-Ремо вместе с Марией Сенкевич. Дружба длилась много лет. Сенкевич бывал в их имении Пражмув на охоте. Его письма, как единственное сокровище, вынес из Варшавы отец Юзефа Мысыровича во время Варшавского восстания (1944 г.)»⁶⁰.

Художники, актеры. Среди варшавских армян были также и художники. Так, например, в склепах варшавского кладбища на Повонзках сохранилась эпитафия следующего содержания (в переводе с польского): «Ян-Клеменс Минасович, художник, род [ился] 24 ноября 1797 г., умер 3 декабря 1854 г. Прохожий, помяни его»⁶¹.

В «Альбоме Повонзок», изданном В. Езёровским, находим упоминание о художнике, армянское происхождение которого очень вероятно, а именно о Рафале Гадзевице (1803—1886), профессоре Академии изящных искусств⁶². Он родился, правда, в Лукове, но живопись изучал у Тарашкевича, а потом у Антони Бродовского⁶³. Не

⁵⁶ Детальное исследование жизни и творчества Ю. Д. Минасовича (с фрагментами сочинений и портретом) можно найти в книге К.-В. Вуйцицкого *Życiorysy znakomitych ludzi wsławionych w różnych zawodach*, t. 2, Warszawa, 1851, s. 217—227. Похоронен на варшавском кладбище на Повонзках, см.: К. W. Wójcicki. *Cmentarz*, t. 2, s. 201.

⁵⁷ О Ф. Бернатовиче см.: А. Вгүсклер. *Dzieje*, t. 2, s. 36.

⁵⁸ К. W. Wójcicki. *Cmentarz*, t. 1, s. 128, 129.

⁵⁹ J. Napusz. *O nazwiskach Ormian polskich*.—*Muzeum*, t. 2, 1886, z. 10, s. 568.

⁶⁰ B. Wachowicz. *Malwy na lewadach*. Warszawa, 1985, s. 431.

⁶¹ Ср. также: К. W. Wójcicki. *Cmentarz*, t. 2, s. 204. В издании *Polski Słownik Biograficzny*, t. 21, 1976, s. 273—274 сообщается: «художник и график [...] сын купца Августина и Агнешки из семейства Дульских, брат Юзефа-Дионизы».

⁶² W. Jeziorowski. *Album Powązek*. Warszawa, 1915, s. 123.

⁶³ *Polski Słownik Biograficzny*, t. 1, s. 510.

исключено, что дальнейшие поиски могут привести к выявлению среди варшавских художников большого количества лиц армянского происхождения. Стоит упомянуть, что армянское происхождение приписывают и Теодору Аксенговичу (1859—1938), известному художнику периода Молодой Польши, профессору Академии в Кракове. Его связи с Варшавой были, по-видимому, поверхностными. Потомки же его и поныне проживают в Варшаве.

В конце XIX и начале XX в. в Варшаве протекала жизнь и деятельность талантливого и разносторонне одаренного деятеля культуры Сергея Метаксяна-Шелковникова, хорошо известного варшавским меломанам старшего поколения. Он был выдающимся актером, на протяжении многих лет певцом, режиссером, а с 1907 по 1914 г. — директором Варшавского оперного театра. В мемуарах Павла Оверлло «По ту сторону рампы» о нем пишется следующее: «[После 1910 г.] дирекция государственных театров прекрасно осознавала, что Варшава не может обойтись без оперного театра; назначила поэтому руководителем оперного театра Сергея Метаксяна... армянина, который был в нашем оперном театре с 1904 по 1914 г. и являлся также режиссером. Голос его — баритон, не очень сильный, но хорошо поставленный. С коллегами сживался очень сердечно, они его любили. Очень часто скрашивал нам минуты, когда был под аккомпанемент гитары, на которой прекрасно исполнял русские романсы. Возвратившись после войны с фронта в Варшаву, работал в администрации газеты «Утренний курьер»⁶⁴.

На надгробии актера, похороненного на варшавском кладбище на Повонзках, читаем: «С[вятой] п[амяти] Сергиуш Метаксян-Шелковников. Актер и бывший директор Варшавского оперного театра, председатель Общества пенсионеров городских театров. Умер 6 ноября 1929 г.» Обширный некролог С. Метаксяна вместе с его фотографией поместил С. Донигович в журнале польских армян⁶⁵, где отмечалось, что С. Метаксян-Шелковников родился в Ереване 12 марта 1871 г., учился в школе Г. Елизаветполя, позже изучал право, а также военные науки в кавалерийском училище в Москве. Музыкальное образование он получил в Петербурге, в 1907—1914 гг. был директором Варшавского оперного театра. С. Метаксян пользовался большим авторитетом и популярностью среди варшавян, охотно приглашавших его петь на вечерах и концерты⁶⁶.

В период, последовавший после окончания первой мировой войны, в возрожденном Польском государстве, в частности в Варшаве, продолжалась активная жизнь армянской колонии. Здесь можно было отличить представителей старых, издавна проживавших и колонизированных родов как правило принадлежавших к римско-католической церкви, и приверженцев армяно-григорианской церкви — пришельцев из России, особенно с Кавказа, а также Ирана и беженцев из Турции. Среди представителей этой второй группы также встречались лица, считавшие Польшу своей второй родиной.

Среди различных профессиональных групп заметно выделялось армянское купечество, занимавшееся уже не винно-бакалейным или мануфактурным делом, а торговлей коврами. В этой области польские армяне имели старые традиции, простиравшиеся, по крайней мере, до времен Ссфера Муратовича (конец XVI в.). Это были либо отдельные купцы, имевшие вспомогательный персонал, состоявший зачастую из членов собственной семьи, либо руководители мастерских и магазинов, а также пайщики торговых компаний. Так, по ул. Сенкевича, 6 в 1939 г. (а возможно и раньше) существовала фирма Тер-Абраамян, торговавшая восточными коврами⁶⁷. По-видимому, эта же фирма, однако, сообщавшая другой адрес (ул. Кредитовая, 6) расширила объ-

⁶⁴ P. Owerłło. Z tamtej strony rampy. Kraków, 1957, s. 215—217.

⁶⁵ Posłaniec sw. Grzegorza, t. 4. Lwów, 1930, N 32—33, s. 5—8.

⁶⁶ J. Wądel-Dmochowska. Dawna Warszawa. Wspomnienia. Warszawa, 1958, s. 216—217.

⁶⁷ Данные взяты из рекламных объявлений газеты „Kurier Warszawski”.

свои торговые деятельности на другие области антикварной торговли. Можно предположить, что главным пайщиком, руководителем и основателем фирмы являлась Шак, Тер-Абраамян, проживавшая по ул. Варешкой, 11.

Собственником подобной фирмы, торговавшей персидскими коврами, являлся Саркис Паносян (род. 2 ноября 1905 г. в Ени Капу в Турции). Он поселился в Варшаву примерно в 1922—1924 гг. и вскоре основал магазин, сначала под арками Большого театра, а позже в частном помещении по ул. Гожей, 29. Около 1931 г. к нему прислали из Аргентины, где находился в вынужденной эмиграции, старший брат Гарабед (Каравет) Паносян (род. 27 ноября 1899 г. в Стамбуле). Он начал помогать брату вести фирму, которая, преодолев, в частности, период кризиса, весьма процветала. В 1940 г. Гарабед Паносян и Сергей Арутюнян основали магазин по продаже ковров по ул. Ясной, 10, под названием Тегеран. После смерти Сергея Арутюняна 14 марта 1942 г. совладельцем фирмы сделалась вдова Зузана Арутюнян, через некоторое время вышедшая замуж за Саркиса Паносяна. В начале 1944 г. оба брата, обеспокоенные приближением фронта, уехали в Вену, так же, как и другие варшавские армяне, имевшие иранские паспорта. По ул. Бодуэна, 6 существовала еще одна фирма по продаже и ремонту персидских ковров—фирма Саакяна. Ремонт персидских ковров занимался Сергей Дандурян или Дандурянц, имевший свою мастерскую по ул. Школьной. Он был близким другом братьев Паносян. Возможно, что Г. Дандурян в определенный момент принял фирму Саакяна, так как Я. Каспржыцкий, вспоминая об ул. Бодуэна, пишет: «Прекрасно выглядел... магазин персидских ковров Григора Дандуряна»⁶⁸. Мастерскую персидских ковров вел также по ул. Вспульной, 9, Вагинак Вартамян. По этой же улице в доме № 18 продажей персидских ковров занимался Аведис Тертерянц; на Восточной ярмарке во Львове смирненские ковры демонстрировал Стефан Асланов⁶⁹.

Из числа жителей Варшавы накануне второй мировой войны отметим следующих, имевших явно армянское происхождение: Эмиль-Бернард Аврутин, адвокат; Галина Аврутин, адвокат; Цецилия Аврутин—все трое проживали по ул. Орлей, 4; Лилиана Дандурян, ул. Вспульная, 54 (сравни упомянутую выше фамилию Дандурянц); Владислав Манугевич, совладелец фирмы «Объединенные жестянщики, настиление крыш, ремонт, консервация, покраска», ул. Вспульная, 54; Мария-Анна Манугевич, служащая Банка красного хозяйства, ул. Барская, 5; Гжегож Оганезов, ул. Ленарговича, 34; Ф. Метаксян, врач-стоматолог, ул. Пулавская, 28; Рышард Минасевич, ул. Маршалковская, 51; Константин Уигурян, ул. Ягеллонская, 27; Адам Вартересевич, ул. Окронг, 2; Пранцион Тертерян, массажист, ул. Злота, 2570.

Далее в перечне упоминаются также следующие фамилии: Аманович, Антонец, Асланович, Августинович, Бернатович, Богданович, Богушевич, Хацевич, Глуцкий, Пвашкевич, Енджеевич, Кутлубай, Куприанов, Кжиштофович, Лазаревич, Минасевич, Минасович, Мысырович, Назаревич, Пасхалпс и др. Армянское происхождение большинства из них не подлежит сомнению. Среди них встречаем юристов, врачей, инженеров, торговцев, служащих и ремесленников.

В коллективе преподавателей Варшавского университета до 1939 г. находилась Ксения Грабовская, армянка по происхождению⁷¹.

Сведения о жизни варшавских армян, как и со всей страны, доходили во Львов, где их печатали в издаваемом в этом городе журнале *Posłaniec sw. Grzegorza*. В одном из номеров этого журнала имеется список членов Архиепископального объединения армян, принятых за время с 17 ноября 1932 г. по 1 января 1933 г. Список вар-

⁶⁸ J. Kasprzycki. Ulica Boduena bardzo krótka.—*Życie Warszawy*, 7—8 lipca 1984 г., N 161, s. 12.

⁶⁹ *Posłaniec sw. Grzegorza*, 1930, t. 4, N 40—41.

⁷⁰ См.: *Spis abonentów sieci telefonicznej m. st. Warszawy P. A. S. T. i warszawskiej sieci okreg. P. P. T. T. Rok 1939—1940*. Warszawa, 1939.

⁷¹ В январе 1985 г. эти сведения сообщил нам доктор Гжегож Багдасарян, за что мы ему благодарны.

шавских членов охватывает следующих лиц: Виктор Минасович, Рипсима Добровольская из Айвазянов, Виктор Добровольский, Сирануш Бадинян, Катажина Жеромская из Бадинянов, Макар Степанян, Григор Барбарян, Гагик Барбарян, Ян Шимович, Стефан Любич-Сеферович, Геленз из Ованесянов Прымяк, Арутюн Джагацпаян, Арсрун Вампуш, Гарабед Паносян, Саркис Паносян, Эугения Кюркчян, Ганг Ямаянц, Матеос Шимшерян, Григор Дандурян, Мария Цыгоева, Аркадий Барбарян, Варсеньк Барбарян. В 1933 г. новыми членами из Варшавы становятся Эугенпиуш Антоневич, Каэтан Антоневич, Эмилия Антоневич⁷².

О деятельности поляков армянского происхождения в период фашистской оккупации и Варшавского восстания 1944 г. до сих пор известно немного и только изданные в последнее время публикации и мемуары раскрывают их дела и заслуги. Как явствует из упомянутых ниже источников, потомки древних пришельцев с Востока проявляли в новой отчужденной политической активности в общественных делах, а в случае угрозы, нависшей над родиной, без колебаний шли на риск, принося большие жертвы. Понятно, что, придерживаясь разных политических взглядов, иногда действовали в различных, часто взаимно враждебных лагерях.

Нужно упомянуть о политической деятельности этнографа и директора музея, доктора Яна Жолна-Манугевича, который решительно выступил за объединение левых сил в период немецкой оккупации. Именно ему, как представителю так называемой инициативной группы, выпало на долю открытие первого заседания Краевого национального совета. Об этом писал Антони Кожишкый, также участник этого исторического заседания, следующее: «Совещание открыл председатель «инициативы», живущий до сих пор Ян Жолна-Манугевич. Сказал коротко: «Мы собрались, чтоб создать национальную репрезентацию—К[раевой] и[нициативный] с[овет]»⁷³.

Среди активных участников диверсионной организации Армии краевой «Вахляж», охватывающей в 1941—1945 гг. обширные восточные территории (имеющей одновременно руководящий центр в Варшаве), встречается фамилия поручика Романа Ромашкана (псевдоним «Мария» и «Татар»). В монографии Ц. Хлебовского многократно упоминается фамилия этого борца, а на вкладке VI помещена его фотография⁷⁴.

В патриотическом порыве Варшавского восстания 1944 г. принимали, несомненно, участие поляки армянского происхождения. В самом начале боев 1 августа 1944 г. на пл. Наполеона (сегодня пл. Повстанцев Варшавы) в акцию вступили бойцы батальона АК «Киллинский». Среди них был скромный капрал «Кордиан», который решающим образом содействовал захвату занятого немцами небоскреба. Это был Владислав Манугевич, хладнокровно установивший на кромке тротуара противотанковый гранатомет и двумя выстрелами уничтоживший автомашину с жандармами. В обстановке возникшей паники польским патриотам удалось захватить у гитлеровцев здание небоскреба⁷⁵.

Это яркое описание боевых действий повстанца с несомненно армянской фамилией, опубликованное в 1979 г., заинтриговало автора до такой степени, что захотелось разузнать, пережил ли он войну и установить с ним непосредственный контакт. Однако лишь из некролога пришлось узнать, что «Владислав Манугевич, «Кордиан», человек справедливый и благородный» умер 27 мая 1982 г. и был похоронен на клад-

⁷² *Posłaniec sw. Grzegorza*, t. 7, 1933, N. 1—2 (68—69), s. 27—28; 1934, N. 1—2 (80—81), s. 11.

⁷³ *Takich chwil się nie zapomina...* Sylwester na Twardej. Z posłem Antonim Korzyckim, współorganizatorem i uczestnikiem pierwszego posiedzenia KRN, rozmawia Bogdan Maciejewski.—*Ekspres Wieczorny—Kulisy*, wyd. SB, 30—31 grudnia 1983—1 stycznia 1984, N 255 (11418), s. 3. Ян Жолна-Манугевич умер в Варшаве 1 февраля 1988 г.

⁷⁴ C. Chleboński. *Wachlarz. Monografia wydzielonej organizacji dywersyjnej Armii Krajowej, wrzesień 1941—marzec 1943*. Warszawa, 1983, s. 230.

⁷⁵ B. L. Nycz. *Batalion AK „Kilński” w godzinie „W”*.—*Słowo Powszechne*, 1 sierpnia 1979 г., тот же *Batalion „Kilński” AK 1940—1944*, Warszawa, 1986.

бище в Вавжищеве. Он много лет работал в фирме «Имрот и Малинский» по ул. Маршалковской, был приветливым человеком, прекрасным специалистом в химико-красильной области⁷⁶. Надпись, выбитая на плите, гласит: «С[вятой] п[амяти] Владислав Манугевич, боец А[рмии] к[раевой], бат[альон] «Кплинский», пс[евдоним] «Кордиан», 1918—1982».

Как в последнее время сообщил журнал *Stolica* (1984 г., № 47), за активное участие в боях с немецкими оккупантами во время Варшавского восстания 1944 г., Варшавским повстанческим крестом был награжден Вартан Чагахян.

А вот другой портрет военного, по-видимому, армянского происхождения. Из надгробной плиты и печатных некрологов можно узнать, что Леон Кожевникянц, генерал «Долива» (1896—1978), принимал участие в Варшавском восстании и являлся заместителем командующего объединенных вооруженных сил Армии людовой, Польской армии людовой и Корпуса безопасности. Эти формирования, подчиненные Краевому национальному совету и Польскому комитету национального освобождения, в дальнейшем образовали часть 1-й и 2-й армий Польского войска⁷⁷. Как сообщает К. Дупин-Вонсович в книге «Варшава в 1939—1945 гг.», «Польская армия людова также присоединилась к восстанию, выставив небольшие сплоченные отряды в центре и на Mokotów. Командующим был полковник (позже генерал) Юлиан Скоковский. Корпус безопасности под командованием полковника Леона Кожевникянца, псевдоним «Долива», выставил сплоченные отряды, главным образом в центре. Отряды почти не имели оружия и поэтому их могли использовать только для вспомогательных работ на территории Старого города»⁷⁸.

Можно встретить сведения о том, что во время Варшавского восстания на Жolibosze воевали лица армянского происхождения, о чем свидетельствуют их имена и фамилии: старший стрелок Казимеж Ашуркевич, взводный Стефан Боганес, стрелок Анджей Назаркевич, стрелок Богдан Грыгорцевич, капрал Януш Варыкевич и несколько других⁷⁹. Авторы, описывающие повстанческую борьбу⁸⁰, не упоминают, что, конечно, было бы беспредметным и ненужным, о далеких этнических связях своих солдат. Однако участие армян в более позднем периоде повстанческих боев является фактом. В восстании принимало участие, именно в составе Армии людовой, около 30 советских офицеров и солдат, бывших военнопленных, среди них опре-

⁷⁶ Ср. некролог в газете *Życie Warszawy*, 31 maja, 1982 г. Владислав-Роберт Манугевич, сын Губерта-Людвига и Анны из Сулевских, родился 10 июня 1918 г. в городе Луга (к югу от Петрограда). Можно предположить, что семья оказалась там в результате эвакуации, вызванной военными действиями. Известно, что Владислава (их было семь братьев) крестили в римско-католическом приходе на Воле. После переезда в Варшаву отец работал маляром. Владислав посещал профессиональное училище и начал работать на заводе металлических изделий Чайковского на Воле. Позже перешел в фирму «Имрот и Малинский», оставаясь верным ей до конца жизни. В период оккупации действовал в подполье, овладевая военными специальностями, транспортируя оружие и т. п. Во время Варшавского восстания все время воевал в центре. После поражения восстания был пленным лагерей Шталага VIII Б в Ламбиновичах и Шталага VII Б в Меннингене. Возвратился домой в 1946 г. и снова начал работать в упомянутой фирме. Сохранилась семейная традиция о принадлежности к той самой семье, из которой вышел епископ Манугевич. Автор благодарит Алицию Манугевич, вдову Владислава Манугевича, за сообщенные сведения.

⁷⁷ S. Korf. *Dni powstania. Kronika fotograficzna walczącej Warszawy*. Wyd. 2-e, poszerzone. Warszawa, 1934, s. 378.

⁷⁸ K. Dupin-Wąsowicz. *Warszawa w latach 1939—1945*. Warszawa, 1984, s. 320.

⁷⁹ S. Podlewski. *Rapsodia żoliborska*. Wyd. 2-e. Warszawa, 1979, skorowidz.

⁸⁰ Ср. известные работы Ю. Кирхмаера, В. Боркевича, а также *Żolibors. Wczoraj, dziś, jutro*. [s. 1], 1970.

деленное количество армян. Известны фамилии двух: одним был старший лейтенант Аркадий Матосян («Жук II»), командир взвода противотанковых ружей на Жолибже, тяжело раненный 30 сентября 1944 г., вторым — взводный Рубен Малхасян, воевавший в частях Армии людовой в Старом городе и на Жолибже, тяжело раненный 29 сентября 1944 г.⁸¹

За боевые заслуги крестом *Virtuti militari* и другими наградами был отмечен участник первой и второй мировых войн магистр Генрик-Хорек Довлацян (1896—1978), могила которого находится на кладбище на Повонзках⁸².

Наконец отметим, что на кладбище-мавзолее советских воинов по бульвару Жвирки и Вигуры покоятся двое солдат-армян: капитан А. О. Аллахвердянц (1903—27 октября 1944 г.) и ст. лейтенант Лев Кочерян, погиб 9 октября 1944 г.

После повстанческой одиссеи в Варшаву возвратились наиболее верные, но уже немногочисленные армянские жители. Ими являлись члены таких семейств, как Антоневич, Аксентович, Баронч, Донигевич, Исакович, Лукасевич, Манугевич, Никосевич, Тер-Оганяны и Оганезовы.

Интересна история семьи Оганезовых. Армянин из Тбилиси Григор (Гжегож) Оганезов прибыл в Польшу после первой мировой войны. Он был женат на армянке Эльжбете (Елизавете), происходившей, как и он сам, из Тбилиси. В Варшаве, по ул. Крулевской, 49, он вел специализированное предприятие по торговле фанерой. Умер он в 1947 г., а его жена в 1965 г. Оганезовы были богатыми людьми, проживали на Мокотое. Их сын, Гарегин, был женат на Зофии из Пживечерских, с которой имел любимую, очень талантливую дочь Иоланту, закончившую Варшавский университет по линии романистики. В 1976 г. 27-летняя Иоланта трагически погибла в авиационной катастрофе над Воронежем, оставив в тяжелом трауре всю семью. Гарегин Оганезов краткое время руководил фирмой после отца, позже занимался художественным ремеслом; умер в Варшаве в 1985 г. Гжегож и Эльжбета имели еще двух дочерей: Анну и Маргариту. Последняя (умершая в 1984 г.) изучала французскую филологию в Парижском университете, а затем долгие годы была преподавателем французского языка в Варшавском университете.

* * *

Значительный интерес для истории польских армян представляют надписи на могильных плитах и эпитафии на поминальных табличках в склепах различных кладбищ Варшавы; на которых сохранилось много захоронений армян, особенно новейшего времени. Мы будем условно называть их «армянскими могилами», понимая под этим могилы не только лиц армянского происхождения, но также членов их семей. Сбор документальных данных о прошлом польских армян является результатом работы автора в течение ряда лет, причем нам на протяжении двух лет помогал сотрудник Ин-та археологии и этнографии АН АрмССР А. Манучарян. Эту работу, по существу, никогда нельзя будет считать законченной, а всевозможные исправления и добавления являются очень желательными. В настоящей работе даем лишь часть собранного материала.

На Повонзском кладбище (Старые Повонзки) в Варшаве находим следующие армянские могилы⁸³: Евгения из Глиноецких Анджеевская, ум. в 1945 г. в Рависбрюке; Мария из Абгаровичей Анджеевская, ум. 1971 г.; Ян Анджеевский, ум. 1955 г.; Янина из Губихе Арутюнянц, ум. 1917 г.; Ян Богосевич, ум. 1979 г.; Янина Богосе-

⁸¹ A. Przydonski, *Udział PPR i AL w powstaniu warszawskim*. Warszawa, 1970. Фотографии обоих солдат помещены между с. 64—65. На участие армян-военнопленных в боях на Жолибже обратила наше внимание в феврале 1985 г. доктор Елена Амадуни, за что мы ей искренне благодарны.

⁸² Ср. некролог в *Życie Warszawy*, январь—февраль 1978.

⁸³ Надписи могильных плит и табличек здесь и далее даны нами в переводе с польского языка.

лич из Бадзянов, ум. 1982 г.; Тадеуш Гоздава-Богусевич, ум. 1893 г.; Гелена Добропольская, ум. 1966 г. (дочь Анны из Абгаровичей Вильчевской—ее муж Александер Добровольский, ум. 1977 г. в Лодзоне); Зофия Дснигезич, ум. 1966 г.; Генрик-Хорен Цовлацян, ум. 1976 г.; Сергиуш Метаксян-Шелковников, ум. 1929 г.; Фелиция Метаксян, ум. 1944 г. символическая надпись; Янина-Матильда из Ольбрых Мошоро, ум. 1969 г.; Крыстына Мошоро, ум. 1944 г.; Мария Мошоро из Соверчинских, ум. 1941 г.; Михал-Антон Мошоро, ум. 1943 г.; Миколай Мошоро, ум. 1956 г.; Ядвига из Томоровичей Паскалис-Якубович, ум. 1814 г.; Александер Сагательянци, ум. 1908 г.; Янина Сагательянци, ум. 1944 г.; Казимера из Цельсов Сагательянци, ум. 1909 г.; Ольга Анджеевская, за первым мужем Тер-Оганесян, ум. 1981 г.

Вмурованными в склепы этого же кладбища сохранились таблички, увековечивающие Давида Торосевича, Михала Торосевича, Валенты Андрыхевича и Яна-Клеменса Минасовича и других, текст которых передан выше. Здесь укажем еще на три эпитафии: «Здесь покоятся останки с[вятой] п[амяти] Пракседы из Минасовичей Тугутт, жены б[ывшего] купца и горожанина, умершей 7 октября 1880 г., прожившей 87 лет. Умершая полна была добродетелей, умела любить, терпеть, противостоять, поэтому оставила по себе печаль. Мир ее праху»; «Здесь поконится тело Марианны из Муравовичей Паскалис-Якубович, умершей в возрасте 63 лет 21 февраля 1815 г.», а также «С[вятой] п[амяти] Розали из Сестжинских, за первым мужем Флорентини, за вторым Мысырович, ум. 11 ноября 1885 г.» Можно предполагать, что, несмотря на разницу в орфографии, второй муж Розалин Сестжинской принадлежал к той же семье Мысыровичей, члены которой покоятся в отдельной семейной могиле на Старых Повонзках.

На Коммунальном кладбище на Повонзках, по-видимому, расположены только немногочисленные армянские могилы. Одной из них является могила упомянутого выше генерала Кожевникянца. Надпись приводим сейчас полностью: «С[вятой] п[амяти] Леон Кожевникянци, генерал «Долгва», 1896—1978, сын вождя горных племен Миколая Кожевникянца, Селим-хана. Участник первой мировой войны, ротмистр Закавказской дивизии, участник второй мировой войны, защитник польского Побережья в 1939 г. Главнокомандующий В[ойсковой] о[рганизации] Скала, шеф штаба Главного командования В[ойсковой] о[рганизации] К[орпуса] б[езопасности], во время Варшавского восстания заместитель командующего объединенных вооруженных сил Л[атвии] л[юдской], К[орпуса] б[езопасности], П[ольской] а[рмии] л[юдской], сооснователь С[оюза] б[ойцов] з[а] с[вободу] и д[емократию], награжденный офицерским крестом Возрождения Польши, крестом Грюнвальда III класса, серебряным крестом ордена Virtuti militari и многими другими боевыми и гражданскими наградами». На этой же плите читаем также: «С[вятой] п[амяти] Ольга из Маковецких Кожевникянци, пс[евдоним] «Цётечка», 1896—1969, защитница Побережья в 1939 г., боец К[орпуса] б[езопасности] 1939—1944 г., участница Варшавского восстания, награждена офицерским крестом ордена Возрождения Польши, Партизанским крестом и другими».

Один из кварталов православного кладбища на Воле носит название «армянская горка» и охватывает ряд армянских могил—старых и новых. Некоторые из них имеют эпитафии по-русски или по-армянски; «Амбарцум Арутюнович Австисянци сконч[ался] 8 февр. 1909 на [...] году жизни»; «Сергей Аминянович Арутюянци род. 3 сентября 1888 г., сконч. 14 марта 1942 г.»; «Георгий Адамян, ум. 9.1.1982»; Աստ Զանգիբ Շիրանի Մարիամ Գևորգյաննան 9.IV.1908—20. XII.1914 Aleksander Marya Georgieff; «Վարանիկ դե Բալլոն Ծնունդ Գևորգյանց Варсеник Валентина де Баллон из Петросянцеv, род. 30 марта 1896 г. в Баку, прожила 80 лет, ум. 29 октября 1976 г.»; «Բերկըր Յուզիանիանց Гжегож Оганезов, род. 5 июля 1871 г., ум. 5 февраля 1947 г.»; Эльжбета Оганезова, род. 14 апреля 1883 г., ум. 17 марта 1965 г.; Гарегин Оганезов, ум. 27 мая 1985 г.; Анна Оганезова, ум. 21 октября 1984 г.; Леон Гадзевич, ум. 1979; судья Константин Унгуриян, ум. 1974; доктор, инженер Олгерд Унгуриян, ум. 1981; Леонид Тер-Асатуров, ум. 7 октября 1968 г.; Анна Тер-Асатурова, ум. 14 июля 1973 г.;

Алексы Тер-Асатуров, ум. 1981; Катажина Свобода, за первым мужем Китлер, из Тер-Асатуровых, ум. 5 февраля 1937 г.

На польском евангелическо-аугсбургском кладбище обращает на себя внимание могила семьи Пирадовых. Имена похороненных таковы: Самсон Пирадов, жил 75 лет, ум. 30 октября 1927 г.; Ванда-Гелена из Мейдамов Пирадова, жила 76 лет, ум. 18 января 1934 г.; Павел Лазарев, жил 52 года, ум. 17 января 1936 г.; Анна из Пирадовых Лазаревых, жила 88 лет, ум. 20 марта 1975 г.; Павел Пирадов, жил 57 (или 51) лет, ум. 17 января 1936 г.; Ашхен из Захаряновых Пирадова, жила 72 года, ум. 8 ноября 1966 г.; Константин Пирадов, жил 71 год, ум. 23 апреля 1961 г.; Эльфрида из Ангелей Пирадовых, жила 73 года, ум. 7 марта 1966 г.; Роберт Пирадов, жил 76 лет, ум. 11 января 1964 г.

На Брудновском кладбище армянские могилы до сих пор еще даже поверхностно не учтены. Известно, что недавно здесь похоронен доктор медицины Ежи Захаряц, ум. 18 августа 1983 г. На нем также похоронены: Мария из Мошоро Дзержск, Мария-Анна Манугевич, Стефания Садлинская, Юлиан Иссакевич и Генрик Манугевич.

На приходском кладбище в Виллянове поиски армянских могил не обнаружили значительного их числа. Недавно почил здесь в возрасте 78 лет ординарный профессор Сельскохозяйственной академии, основатель кафедры питания скога доктор Франциск Абгарович, ум. 13 мая 1979 г. В приходском костеле в Виллянове сохранилась табличка, увековечивающая священника Михала Аведпка.

На кладбище в Отвоцке похоронена Янина Лях (1915—1983), происходившая из древнего рода Никосвицен.

На кладбище в Вавжшце по ул. Вульчинской находится могила Эмпиля Вартановича, доктора медицины, род. 9 января 1899 г., ум. 2 августа 1979 г. Там же находится могила варшавского повстанца Владислава Манугевича, о котором писали выше.

На Северном кладбище в Вульце Венглевой удалось зарегистрировать несколько армянских могил: Яцек Вартанович (1962—1982); «Гелена из Фляйшеровичей Ромашкан, род. 17 августа 1894 г. во Львове, ум. 30 ноября 1977 г.» «Уршуля из Ромашканов Щесньпская, род. 16 января 1921 г. во Львове. Учительница-харцер, верна харцерской присяге. Всей жизнью служила Богу и Польше. Ушла на вечную вахту 13 июня 1981 г.»

На приходском кладбище в Милянвке обращает на себя внимание могила выдающегося археолога, профессора Варшавского университета В. Антоневича и его семьи: Владзимеж Антоневич, жил 80 лет, ум. 20 мая 1976 г.; Ядвига Антоневич, жена профессора Варшавского университета, род. 24 мая 1878 г., ум. 12 февраля 1963 г.; Янина Антоневич, доктор философии, адъюнкт Главной школы сельского хозяйства, род. 14 сентября 1890 г., ум. 21 ноября 1955 г.; Ванда Антоневич, жила 61 год, ум. 28 июля 19[...]; Стефания Цагахаян, род. 18 февраля 1887 г., ум. 18 января 1979 г.

На приходском кладбище в Рашинс находится могила Шимона Рошко, жил 63 года, ум. 1 августа 1980 г.

На приходском кладбище в Воломпе похоронен майор Армии краевой, участник движения сопротивления на территории Львова и Билгорая, псевдоним «Сяно». Скромная табличка информирует только: Самуель Мойссович, жил 74 года, ум. 31 июня 1983 г. (на второе имя—Миколай).

На приходском кладбище в Зежню похоронена дочь Кароля и Анны из Абгаровичей—Ева из Вильчевских Сломнская, жила 53 года, ум. 5 апреля 1960 г.

Кладбище в Липкуве. Как известно, Липкув был тесно связан с производственной деятельностью Пасхалиса Якубовича. Здесь он имел свою резиденцию, здесь построил костел. Все имение перешло в руки старшего сына. На кладбище в Липкуве имеется надпись на украшенном богатой резьбой надгробии в виде колонны, которая гласит: «Могила с[вятой] п[амати] Юзефа Пасхалис-Якубовича, умершего 5 апреля 1845 г. на 69 году жизни и жены Людвиги из Рыксов Якубович, умершей 14 января 1862 г. на 70 году жизни, владельцев здешних имений. Господи, прими их в королевство славы». Здесь упоминаются Марко-Юзеф, старший сын Пасхалис-Якубович и его жена.

В Рокигно, на одной из стен местного приходского костела, построенного в XVII в., имеются две эпитафии семьи Якубовичей: «Здесь покоятся останки с[вятой] п[амя-ти] Александра Пасхалиса-Якубовича, помещика прихода Рокигно. Жил 63 года, умер 7 марта 1846 г. Оставшаяся жена вместе с детьми установили на память этот камень и просят прохожих помянуть его».

Собранные нами и изложенные в настоящей статье данные о варшавских армянах периода XVII—XX вв. свидетельствуют об их плодотворной деятельности в экономической, общественно-политической жизни Варшавы, а также из ниве польского просвещения, науки и культуры. Внесенный ими вклад является важным связующим звеном в дружественных взаимоотношениях армянского и польского народов.

ՎԱՐՇԱՎԱՅԻ ՀԱՅԵՐԻ ՊԱՏՄՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ

Պրոֆեսոր ԷՂՎԱՐԴ ՏՐԻՅԱԲՍԿԻ (Վարշավա)

Ա Վ Փ Ո Փ Ո Ւ Մ

Հոգիվածը նվիրված է Հեհաստանի մայրաքաղաքի հետ հայերի և հայկական ծագումով լեհերի ունեցած կապերին: Մեր հավաքած և հոգիվածում շարադրված բազմաթիվ նյութերը, որոնք վերաբերում են XVII—XX դդ. Վարշավայի հայերին, վկայում են մայրաքաղաքի տրևած տեսական, հասարակական-քաղաքական կյանքում, ինչպես նաև լեհական լուսավորության; գիտության և մշակույթի ասպարեզներում հայերի ունեցած ընդմենավոր գործունեության մասին: Նրանց այդ ներդրումը հայ և լեհ մոդերնիզմների բարեկամական փոխհարաբերությունների կարևոր օղակներից է: